

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Чэн Лян
на тему: «Динамика соотношения действительности и ее
художественного воплощения в наследии Скитальца (С.Г. Петрова)»
по специальности 5.9.1 – «Русская литература
и литературы народов Российской Федерации»

Обращение уважаемой коллеги Чэн Лян к литературоведческому осмыслению творчества замечательного русского писателя Скитальца вызывает безусловное одобрение, тем более принимая во внимание то, что герой диссертационного исследования провел несколько лет в харбинской эмиграции. К огромному сожалению, имя Скитальца на многие годы оказалось забыто, можно даже сказать – вычеркнуто из истории русской словесности начала XX века, хотя для современников он был одной из значимых фигур литературной жизни своего времени (достаточно вспомнить, что в 1902-1912 гг. в Санкт-Петербурге вышло шеститомное Полное собрание сочинений писателя). И то, что книги писателя несколько раз выходили в советское и послесоветское время (последние «Избранные» появились в 1985, 1988 и 1989 гг.) не меняет положения в целом. При этом последняя диссертация, посвященная творчеству Скитальца, была защищена в 1977 г. (еще две были написаны в 1960-е гг.) – то есть ровно 55 лет назад, – а отдельные статьи о нем появлялись в последние десятилетия до обидного редко и чаще всего были связаны с краеведческими аспектами его творческой биографии.

На этом фоне появление диссертации нашей молодой китайской коллеги выглядит особенно актуальным событием: мы должны помнить, знать и изучать тех писателей, чье наследие представляет интерес, причем не только само по себе, но и как важная часть общей картины истории русской литературы Серебряного века.

Рецензируемая диссертация вполне справляется с этой задачей: госпожа Чэн Лян последовательно рассматривает творческий путь Скитальца под обозначенным в заглавии работы углом (то есть с точки зрения «динамики соотношения действительности и ее художественного воплощения») и концентрирует наше внимание в первую очередь на значимости фигуры писателя для истории русской литературы, что и обеспечивает несомненную актуальность работы.

При этом диссертант демонстрирует основательное знание литературы вопроса, особенно дореволюционной, а также труднодоступных публикаций в провинциальных изданиях прошлого тысячелетия (например, в ульяновских), и демонстрируя необходимую степень критичности по отношению к устаревшей вульгарно-социологической методологии, на которых большинство из них основывается. То же относится и к публикациям писателя в периодике как дореволюционной, так и эмигрантской, которые диссертантка основательно изучила и осмыслила.

Принципиально важно – притом именно в отношении такого малоизученного автора, как Скиталец, – и то, что автор при необходимости обращается в своей работе не только к опубликованным источникам, но и к архивным материалам (например, анализируя историю создания романа «Дом Черновых», с. 165 и далее), – черта, к огромному сожалению, не такая частая в нашем «описательном» литературоведении. Но абсолютно необходимая и достойная поэтому всяческих похвал.

Характерно, что уже в самом начале своего сочинения (на с. 8) госпожа Чэн Лян предлагает вполне обоснованную дифференцированную периодизацию творчества писателя и в течение всей работы придерживается ее – первая безусловно положительная черта рецензируемой работы. Первая, но принципиально важная!

В диссертации тщательно проанализированы полемики критиков по поводу творчества Скитальца, которые остроумно названы «критическим многоголосьем» (с. 20), в основе которых лежит обсуждение сочетания в его

прозе и поэзии характерных черт романтического и реалистического подходов к изображению действительности. Кстати, в связи с этим остается только пожалеть, что диссертантка обошла вниманием поэтическое творчество Скитальца, тоже нуждающееся в современной литературоведческой оценке.

Особого упоминания заслуживают проведенные в работе опыты сравнения различных редакций произведений Скитальца. Надо сказать, писатель не был в этом одинок: мы знаем, что сознательные самоповторы были отличительной чертой творчества многих его современников – хотя бы Бориса Пильняка. В диссертации этому характерному для литературы своего времени явлению посвящена целая глава (правда, небольшая по объему) – «Повесть “Этапы”: два варианта самопредставления и самоидентификации рассказчика». Уже из названия главы ясно, что диссертантка рассматривает варианты повести именно как два самостоятельных произведения, что вполне оправданно именно в случае Скитальца. Особое внимание уделено в работе и другим принципиальным «варьированием» в творчестве писателя: например, принципиальным переработкам Скитальцем повести «Этапы» и своих мемуаров, «собираанию» романа «Дом Черновых» из рассказов и этюдов 1920-х гг., роли рассказов в генезисе другого романа – «Кандалы» и т.д.

К сожалению, я ожидал от работы также большего внимания к харбинскому периоду творчества Скитальца, которому в диссертации посвящено менее двадцати страниц. А ведь именно это время было переломным в эволюции мировоззрения писателя, определившего в основном его творческие установки последнего периода творчества, который условно можно назвать романским (диссертантка предпочитает называть его «советским»): именно в второй половине 1930-х писатель подводит итоги и создает произведения в этой сложнейшей форме, причем делает это в рамках соцреалистических установок, разработанных его другом и единомышленником А.М. Горьким.

Кроме того, многие рассказы и фельетоны, опубликованные Скитальцем в эти годы в Китае, до сих пор практически неизвестны в России, несмотря на свои несомненные художественные достоинства и на то, что они по-новому раскрывают творческие возможности до сих пор крайне односторонне оцениваемого писателя.

В связи с этим необходимо добрым словом помянуть еще одну часть диссертации – имеющую самостоятельную ценность завершающую работу основательную Библиографию и особенно ее раздел «Источники», включающий 137 позиций и являющейся абсолютным вкладом в скитальцеведение!

Но вернемся к другим достоинствам работы, обеспечивающим ей необходимую степень актуальности и новизны. Это в полной мере относится к основным положениям диссертации, выносимым на защиту, в должной мере обоснованным и вполне достоверным, поддающимся строгой верификации.

Особое внимание в диссертации уделено таким основополагающим чертам поэтики Скитальца как автобиографизм, фольклоризм и роль романтического начала, особенно в поэзии и ранней прозе, а также ведущим мотивам его творчества («волжской доминанте», мотивам музыки и пьянства) и роли портрета и пейзажа в прозе писателя.

Так, очень убедительно проанализирован в работе такой, казалось бы, частный момент, как мастерство изображения глаз персонажей, в котором, по словам автора работы, «его можно назвать виртуозом» (с. 53). Отмечает диссертантка и такую важную отличительную особенность поэтики Скитальца, несомненно, восходящую к романтизму, как его особый интерес к «персонажам с непривлекательной или даже уродливой внешностью» (с. 58).

Важен и вполне обоснован и вывод из первого параграфа работы, посвященного искусству портрета в его эволюции: «От живописных “кадров”, запечатлевающих состояние человека и раскрывающих его внутренний мир, он двигался в направлении “суммарного” символического портрета, который

одновременно и реалистически воспроизводит черты внешности, и обнажал «идею», которую влагал в этого героя автор. Мы можем проследить, как усложнялся замысел художника, сколь интенсивными были его поиски выразительных средств, какими насыщенными, “оплотненными” и одновременно “знаковыми” становились его персонажи» (с. 66).

Не менее убедительно анализируются в работе достижения Скитальца-«пейзажиста», особенно преуспевшего в поэтических описаниях родной Волги – коллега Чэн Лян и здесь выступает и как истинный знаток русской словесности, и – что еще труднее – русской природы.

Но теперь – увы!– некоторые необходимые критические замечания. На с. 66 диссертантка сетует на то, что термин «мотив» «с трудом поддается определению». Однако если бы обратиться к трактовке мотива в классической работе Б. Томашевского, а не к современным интерпретациям, эту трудность вполне можно было бы преодолеть. На с. 93, описывая свои впечатления от прекрасного лунного пейзажа в рассказе «Кузнец», автор уверяет что «Скиталец создает живописную картину, напоминающую пейзажи А.И. Куинджи», – все-таки правильнее было бы сравнивать литературное явление с литературным же, тем более что в русской традиции есть немало прецедентов и в прозе, и в поэзии!

Далее, на с. 210 утверждается, что повестью «Кандалы», над которой писатель работал практически всю жизнь (первая публикация фрагментов из нее, напомним, состоялось еще в 1904 г. в сборнике «Знания»), «Скитальцу надо было доказать, что он является квалифицированным советским писателем, чьи произведения соответствуют канонам социалистического реализма» (с. 210) – можно ли поверить в такой чудовищный прагматизм?

К сожалению, в работе не нашлось места рассуждениям о несомненной влиянии на поэтику Скитальца безусловно новаторской для своего времени прозаической манеры Горького, хотя в своих конкретным наблюдениях (например, на с. 71-72 и далее) диссертантка подходит вплотную.

Наконец, о стиле повествования диссертантки. Разумеется, не будучи носителем языка, ей очень непросто писать по-русски и о русской литературе. И в целом она с этой задачей справляется вполне, что вызывает настоящее уважение (отдельные недочеты я отметил непосредственно в тексте работы, надеюсь, это пригодится диссертантке в дальнейшем). Но есть в работе и вещи недопустимые для филолога, пишущего о русской литературе. Я имею в виду утверждение на с. 75, что в лермонтовском «Парусе», «есть “сиянье моря голубого”». Увы, у Лермонтова такого нет; позволю себе напомнить хрестоматийное: «в ТУМАНЕ моря ГОЛУБОМ»! И проверить это совсем не трудно.

Разумеется, высказанные замечания носят частный характер и ни в коей мере не умаляют значимости диссертационного исследования в целом. Диссертация вполне отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Чэн Лян в полной мере заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации»

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
Ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории
мандельштамоведения Института филологии и истории РГГУ (Федеральное

государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»
ОРЛИЦКИЙ ЮРИЙ БОРИСОВИЧ

11.11.2022.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.08 - Теория литературы, текстология

Адрес места работы: 125047, ЦФО, Москва, Миусская площадь, д.6, институт
филологии и истории, учебно-научная лаборатория мандельштамоведения.

Тел.: +7 (495) 250-61-18; +7 (495) 250-68-68; e-mail: rsuh@rsuh.ru